

Отраденское районное общество историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Первый летописец казачьего Приурупья

Сборник материалов

Издание подготовили: О.В. Матвеев, С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная

2018

1

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)51
П 26

Первый летописец казачьего Приурупья [Текст] Сборник материалов / *сост., авт. очерка о М.И. Санькове О.В. Матвеев; отв. ред., авт. предисл., сост. С.Г. Немченко.* – Армавир – Отрадная: ИП Шурыгин В.Е., 2018. – 48 с.

В сборнике материалов представлен историко-биографический очерк о есауле М.И. Санькове (1827-1898), авторе известной публикации об Отрадной и сопредельных станицах – «Описание поселений 5-ой (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев» в «Кубанских войсковых ведомостях». Эта работа принесла казачьему офицеру известность первого летописца не только своей станицы, где он нес службу, но и Приурупья в целом. К очерку прилагается текст «Описания...», а также небольшая корреспонденция М.И. Санькова о необходимости ведения упорядоченного землепользования в юрте станицы Отрадной.

В очерке известного историка, доктора исторических наук, профессора Кубанского государственного университета О.В. Матвеева дается подробное описание не только жизни и деятельности М.И. Санькова, личности незаурядной и во многом неоднозначной, но и раскрывается картина военной и повседневной жизни урупского казачества в первые десятилетия его существования.

Издание предназначено для всех, интересующихся прошлым Кубани, учителей «Кубановедения» и учащихся казачьих классов средних общеобразовательных учреждений.

На первой стр. обложки: Ф. Рубо «Кзаки»

На концевой стр. обложки: П. Ковалевский «Переход через перевал»

**Издание осуществлено за счет средств
казака станицы Отрадной Сергея Гариевича Немченко**

ISBN 978-5-91153-122-5

(с) Текст. О.В. Матвеев, С.Г. Немченко, 2018
(с) Оформление. ИП Шурыгин В.Е., 2018

С о д е р ж а н и е

Предисловие (*С.Г. Немченко*)

4

О.В. Матвеев. Офицер, историк и общественный деятель
казачьего Приурупья Матвей Иванович Саньков (1827–1898)

7

Приложения:

Приложение I

М.И. Саньков. Описание поселения 5-ой (Урупской) бригады
Кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей
против непокорных горцев

32

Приложение II

М.И. Саньков. О разделе в станицах 5-ой бригады войска
Кубанского юртовых земель на 3-х и 4-х польное владение
и потом подушно – на паи

43

Предисловие

Недавно исполнилось 150 лет с тех пор, как в «Кубанских войсковых ведомостях» вышла статья «Описание поселений 5-ой (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей против непокорных горцев». Хотя эта публикация М.И. Санькова (1827–1898), в то время есаула, была сокращенной версией его более обширного сочинения, она и сегодня остается ценнейшим кладом фактов, без которых нельзя обойтись, говоря об истории заселения и обороны станиц Приурупья, о боевых действиях последних лет войны в Закубанье в 1857–1864 гг.

Достоверность информации, сообщаемой Матвеем Ивановичем, вне сомнений – ведь этот весьма компетентный казачий офицер был участником описываемых им событий и, кроме того, опирался на архивные документы. М.И. Саньков по должности бригадного адъютанта (с 1858 г.) заведовал бригадным архивом, который отчасти сам и наполнял содержанием. Бригадные адъютанты тогда, нередко выполнявшие обязанности начальника штаба, также регистрировали входящие и исходящие документы; получали из дивизии и передавали бригадному начальнику (и от последнего в полки) пароли, приказы и распоряжения. Они составляли проекты приказов по бригаде и исходящих из нее бумаг, рапорты о состоянии бригады. Наконец, они вели учет людей и лошадей, хранили документы на военнослужащих (формулярные, послужные списки и т. п.) и вносили в них новые сведения.

Именно поэтому М.И. Санькову и было в 1865 г. поручено командованием составление вышеупомянутого «Описания...». Тем более, что он еще до адъютантства получил солидный опыт работы с документами, состоя с середины 1840-х гг. писарем Войскового дежурства Кавказского линейного казачьего войска. Дежурство, являвшееся фактически штабом при наказном атамане и располагавшееся в г. Пятигорске, ведало делами по военному устройству, комплектованию, службе и довольствию войска.

За многие годы штабной службы Матвей Иванович научился не просто переписывать бумаги, но читать, анализировать и запоминать; он выработал собственный слог и оптимистический

взгляд на жизнь. В каждом абзаце «Описания...» отчетливо ощущается уверенность автора в том, что кавказский казак, преодолев в боях и трудах любые тяготы и невзгоды, сопротивление врагов, непременно выполнит приказ и победит.

Интересно, что в 1851–1853 гг. в Пятигорск нередко приезжал лечиться младший ровесник М.И. Санькова – будущий писатель Л.Н. Толстой (1828–1910), в ту пору юнкер 20-й артиллерийской бригады, в промежутках между экспедициями в Чечню тоже вырабатывавший свой взгляд и слог. Думается, что урядник Саньков и юнкер Толстой, встретившись в Пятигорске, могли бы найти общий язык: Лев Николаевич интересовался службой и бытом линейных казаков; он стоял в станице на Тереке, на левом фланге Линии. А Кавказская война оставила позже заметный след в творчестве писателя.

Сравнивая статью М.И. Санькова 1868 г. с вышедшей через двадцать лет публикацией второго по времени историографа станицы Отрадной Д.Я. Иванова (знакомой читателям по предыдущему выпуску серии о радетелях отраденской старины 2017 г.), нетрудно видеть, что в тексте есаула, импонирующем бодрой уверенностью в правоте своего дела, нет и следа пессимизма и жалоб, густо окрашивающих текст учителя. Дмитрий Яковлевич недоволен всем – и начальством, и казаками, и собой; он уверен, что надо все поменять, перевернуть страну сверху донизу...

М.И. Саньков был настоящим казаком-патриотом, прожившим в станице Отрадной около 30 лет. Он стал здесь своим: руководил войсковой тюрьмой и избирался станичным атаманом, заботился об эффективности землепользования и развитии народного образования. Д.Я. Иванов промелькнул в станице перелетной птицей, проработав лишь год. Этот либеральный народник по своим общественным взглядам, беспокойный, нигде не способный сработаться и со всеми конфликтовавший, и впоследствии так и не обрел прочного места в жизни.

Необходимо подчеркнуть, что если с переизданными сейчас Отраденским районным отделением Российского общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца публикациями М.И. Санькова и Д.Я. Иванова историки и краеведы могли ознакомиться и раньше (потратив много сил на поиск периодики второй половины XIX в.), то жизнь пионеров

историографии казачьего Приурупья была исследована лишь в последние годы. Немалая заслуга в этом принадлежит кубанскому историку О.В. Матвееву. Его разысканиями (инициированными и усиленно поддержанными Отрадненским районным отделением) были воссозданы многие детали жизни и черты персоналий М.И. Санькова и Д.Я. Иванова.

Теперь читатели, интересующиеся прошлым своей малой Родины, могут довольно ясно представить, какими были эти люди, судьбы которых когда-то пересеклись ненадолго в станице Отрадной, и которым мы многим обязаны за запечатленную на бумаге историю этих мест. Настоящий сборник о М.И. Санькове, как и изданный в 2017 г. историко-этнографический очерк об учителе и краеведе конца XIX в. Дмитрие Яковлевиче Иванове – наша дань их памяти.

С.Г. Немченко, председатель
Отрадненского районного общества историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

О.В. Матвеев

**Офицер, историк и общественный деятель
казацкого Приурупья
Матвей Иванович Саньков (1827–1898)**

В военной, общественной и культурной жизни казацкого Приурупья в дореволюционный период важное место принадлежит войсковому старшине М.И. Санькову, который проявил себя в качестве незаурядного военного историка, подвижника экономического и духовного развития казачества, оказал непосредственное влияние на облик самоуправления, землепользования, народного образования и религиозной жизни станицы Отрадной. Поэтому один из выпусков серии о замечательных земляках Отраденского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца вполне резонно посвящен этой яркой и противоречивой фигуре.

Согласно послужному списку на 31 октября 1864 г., сохранившегося в Государственном архиве Краснодарского края, Матвей Иванович Саньков родился 9 августа 1827 г., происходил «из однодворцев Ставропольской губернии» [1]. Саньковы осели, прежде всего, в селении Михайловском, впоследствии – станице Ставропольского полка [2]. Правда, в ревизской сказке селения Михайловского 1795 г., где указаны места выхода жителей селения, Саньковы отсутствуют: видимо, они появились здесь несколько позднее. В.А. Колесников установил, что значительную часть местных однодворцев составили бывшие жители округ Курского наместничества, добровольно отправившиеся на Кавказ из-за малоземелья [3].

В исповедной записи за 1845 г. Михайло-Архангельской церкви станицы Михайловской перечислены члены семьи Саньковых: Иван Саньков, 54 года; жена его Павла, 53 года; их дети: Степанида, 29 лет; Матвфий (так в документе. – О.М.), 18 лет; Егор, 12 лет; Надежда, 8 лет; Роман, 30 лет; «жена Романова Надежда», 30 лет; Вукол, 27 лет, «Уколова жена Ирина», 26 лет; дети Вукола и Ирины: Прасковья, 7 лет и Иван 4 года. Далее, ещё один брат Матвея – Прокофий Иванович Саньков, 25 лет, его жена Вера, 23 года их дочь Марфа, 4 года. Кроме того в этой боль-

шой патриархальной семье жили дядя Матвей и брат Ивана Санькова Семен, 38 лет, его жена Степанида, 38 лет и их сын Иван, 19 лет [4].

Образование Матвей Иванович, согласно послужному списку, получил «в частном учебном заведении», в службу вступил казаком в 1-й Ставропольский казачий полк Кавказского Линейного казачьего войска 1 января 1845 г. 19 декабря 1845 г. обнаружив, по-видимому, у образованного казака склонности «к письменным занятиям», начальство переводит его в штат писарей Войскового дежурства Кавказского Линейного казачьего войска. 19 апреля 1846 г. М.И. Саньков был удостоен чина урядника, а 22 сентября 1858 г. – хорунжего [5]. В ноябре 1858 г. хорунжий Саньков был прикомандирован к 3-й бригаде, где стал вскоре исправлять должность бригадного адъютанта. 14 июня 1859 г. Матвей Иванович участвовал «в жарком деле под начальством полковника Семенкина при отражении сильной неприятельской партии у станицы Передовой» [6]. М.И. Саньков был «за отличие, оказанное в этом деле, награждён орденом Св. Анны с надписью «За храбрость» [7].

25 сентября 1859 г. Матвей Иванович находился «при отражении сильной партии горцев близ станицы Удобной»; с 25 апреля по 1 ноября 1860 г. «в отряде при устройстве вновь поселённых станиц в верховьях р. Зеленчука и на р. Кордоник»; затем до конца года – в составе войск Мало-Тенгинского и Урупского отрядов [8]. 6 июня 1861 г. хорунжий Саньков принял участие «в жаркой перестрелке с горцами, напавшими на разъезд сотни при укр. Хамкетах». С 20 февраля по 8 марта 1862 г. М.И. Саньков состоял «при главном отряде, собранном у Ханского брода», участвовал в обеспечении работ «по проложению просеки и устройству дороги по направлению к р. Пшехе». При этом приходилось отбивать яростные атаки горцев. В послужном списке офицера отмечается, что он присутствовал 24 февраля «при отражении нападения партии горцев на войска, прикрывавшие рубку леса против центра лагеря, 27 при отбитии неприятельских скопищ, нападавших вторично на войска, охраняющие работы» [9].

3 августа Саньков принимал участие в перестрелке с партией горцев, настигнутых в верховьях рр. Кифаро и Бежген, 7 авгу-

ста. – «при рекогносцировке пространства между истоками Большого Зеленчука и Урупа по 1862 августа 11», 28 августа «при рекогносцировке долины Эричз и местности, прилегающей к долине Загдан, причём отбита неприятельская баранта 1862 сентября 1» [10]. Эта рекогносцировка, за которую М.И. Саньков был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (о чём было объявлено в приказе по Кавказской армии № 431 12 октября 1863 г.), получила освещение в «Описании ... Урупской бригады». «В последних числах августа 1862 года, – рассказывал М.И. Саньков, – летучий отряд двинулся для осмотра верховьев р. Зеленчука и его окрестностей. 30 числа близ Загдана, на р. Пхэ, нами услышан был крик овец, и когда двинулись к тому месту, то увидели, что горцы быстро угоняют скотину и овец к р. Пхэ, в сплошной лес. Для отбития этого скота Семенкин послал сотника Санькова – с сотнею казаков. По труднодоступным оврагам Саньков повёл сотню наперерез горцам, и как конным положительно нельзя было следовать, казаки бежали спешившимися. Несмотря, однако же, на это, горцы успели уже перегнать свой скот через реку, а сами для встречи казаков засели по ту сторону у обрывистого берега. Только что казаки успели подбежать к берегу, как из опушки густого леса неприятелем был сделан залп из ружей. По крику Санькова ура казаки бросились через реку, сбили неприятеля, который бежал врассыпную, и скот был отбит. Всей добычи нам досталось 22 штуки рогатой скотины, 400 овец и одна лошадь, кроме того взяты некоторые вещи, найденные в кошу неприятеля. Добыча эта поступила: половинная часть в пользу жителей ст. Псеменской, потерпевшей разорение от нападения неприятеля, а другая часть в пользу всего отряда» [11]. В июне 1863 г. М.И. Саньков вместе с Урупским летучим отрядом был задействован в рекогносцировке верховьев рек Кубани и Большой Лабы, 27 июля 1863 г. принимает участие в перестрелке с отрядом горцев вблизи станицы Сторожевой, 2 августа в рекогносцировке Урупским отрядом долины Загдан, затем в преследовании партии горцев по долине р. Эргиз. С 20 августа по 22 сентября 1863 г. сотник Саньков с Урупским отрядом из станицы Сторожевой совершил поход через Главный хребет до укрепления Цебельдинского и обратно [12].

3 декабря 1865 г. М.И. Саньков «за отличие противу горцев Высочайшим приказом произведён в есаулы с оставлением в настоящей должности бригадным адъютантом» [13]. После окончания Кавказской войны Санькову пришлось выступить в несколько необычной роли – историка 5-ой бригады Кубанского казачьего войска. 28 февраля 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил приказ Главнокомандующего Кавказской армии, «чтобы во всех полках и отдельных баталионах была составлена история их действий и всей жизни на Кавказе» [14]. Соответствующее распоряжение, вскоре, поступило из штаба Кубанского войска в бригады и полки, в том числе, в Урупскую бригаду. Полки этой бригады имели небольшой, но весьма значимый опыт участия в Кавказской войне с конца 50-х г. XIX в., ею командовал прославленный командир полковник Евпл Филиппович Семенкин, награждённый Золотой шашкой на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость», кавалер многих орденов [15]. Составление истории Урупской бригады было поручено бригадному адъютанту сотнику Санькову.

В примечании редакции «Кубанских войсковых ведомостей» сказано, что «Описание...» есаула Санькова было напечатано «в извлечениях, с сокращением подробностей». Тем не менее, ценность этой работе придают сведения по истории заселения её станиц. Офицер отметил, что первыми станицами, основанными в 1856 г. на р. Уруп, были Бесскорбная и Попутная. В следующем году возле этих станиц была поселена Отрадная, затем, в 1858 г.: Удобная и Передовая вверх по р. Уруп, Исправная по р. Большой Зеленчук (бывшее Каменноостское укрепление), Сторожевая у Надёжинского укрепления, при слиянии рек Псефира и Бежгожа, Спокойная на р. Большой Тегень. «При присоединении к этим 9-ти станицам 3-х старых, посёлённых ещё в 40-х годах на р. Чамлык и Уруп (Вознесенской, Чамлыкской и Урупской) из этих 12 станиц в 1858 г. составлена бригада, которой дано название Урупская в составе 2-х полков 1-го и 2-го Урупских (ныне № 18 и 19)», – писал М.И. Саньков [16]. Затем, в 1869 г. в верховьях р. Кубани на р. Зеленчук была основана станица Зеленчукская, а между реками Аксаут и Кордоник – Кордоникская. В 1860 г. в верховьях Малого Тегеня обосновалась станица Надёжная, а в верховьях р. Уруп – Преградная. На каждую ста-

ницу были определены по 300 семей переселенцев. По переформировании в 1861 г. бригад нового Кубанского казачьего войска две старые станицы – Вознесенская и Чамлыкская отошли 6-й бригаде, а две новых – Преградная и Подгорная – к 7-й. Представляет интерес приведённый М.И. Саньковым на основании документов бригадного архива социальный и этнический состав семей 12 станиц, оставшихся в 5-ой (Урупской) бригаде: офицерских 46, урядничьих и казачьих 3687, а всего 3728. «Число этих семейств, – отмечал историк, – образовалось из разных элементов: линейных 1988, донских 296, малороссийских казаков и государственных крестьян 359, анапских поселян 495, и армейских женатых – 590, всего в числе душ: мужского 11734 и женского 9983» [17]. Эти данные важны сегодня при реконструкции облика традиционной культуры станиц современного Отрадненского района Краснодарского края, Урупского и Зеленчукского районов Карачаево-Черкесской республики, поскольку позволяют прояснить особенности функционирования многих аспектов духовного наследия казачества этого региона.

После упразднения в конце 1866 г. 7-й бригады, по словам М.И. Санькова, к 5-й бригаде были причислены 6 станиц: Подгорная, Бесстрашная, Отважная, Ахметовская, Псеменовская и Преградная, а от 5-й бригады отчислена в 6-ю бригаду станица Урупская [18]. Переселенцам на каждую душу обою пола выдавался провиант: бывшим линейным казакам в течение 5 лет, прочим в течение 4 лет. М.И. Саньков сообщает, что «в единовременное пособие отпускалось на каждое урядничье и казачье семейство: линейным по 71 руб. 42 6/7 коп., а прочим по 107 руб. 2/7 коп.; на вооружение выдавалось: первым по 10, а последним по 15 руб. Офицерам отпускалось в пособие единовременно по 285 руб. 71 3/7 коп., а жалованье им производилось по окладам армейской легкой кавалерии – в течение 6 лет. Сверх того, на непредвидимые случаи и общественные постройки на каждую станицу производилось по 15000 руб.» [19].

Рассказал М.И. Саньков и о системе обороны станиц Урупской бригады. Места под станицы были приготовлены войсками Кавказской армии по одному типу: четырёхугольником вокруг выкапывались рвы глубиной и шириной 3 аршина, по брустверу ставился двойной плетень, набиваемый землёй и засаживаемый

колючим кустарником. Такое укрепление имело на фасах 4–6 артиллерийских орудий. После предварительного осмотра разъездом казаков мест возможных засад и укрытий горцев жители станиц выходили на полевые работы только днём с вооружённым прикрытием. Скот выгонялся на пастьбу не далее версты от станицы под прикрытием солдатских и казачьих пикетов. Между станицами в зависимости от расстояния учреждалось по 1–2 поста на 25 человек с земляным укреплением, вышкой для часового и 1–2 артиллерийскими орудиями. После утреннего объезда окрестностей ставились наблюдательные конные пикеты. В наиболее опасных местах казаки занимали по ночам секреты. В случае появления горцев из орудий делались сигнальные выстрелы. «Если неприятель шёл на станицу, – писал М.И. Саньков, – жители и местный гарнизон спешили с оружием к станичной канаве для отражения; а ежели неприятель нападал на кого-либо в поле, то бежали туда для преследования. По орудийным выстрелам окрестные станицы обязаны были принимать сигнальные выстрелы для оповещения других станиц о тревоге, а казаки должны были скакать оттуда на помощь к месту происшествия» [20]. В первый год поселения Урупской бригады «для защиты своих жилищ» было разрешено сформировать по полусотне казаков в каждой станице, «а на следующий затем год весною, вторую полусотню, первой и последней с производством следуемого от казны и войска полного довольствия». В течение трёх лет эти сотни занимали только посты и выделяли резервы, затем стали высылаться на службу уже вне территории бригады.

Образы соседей казаков в «Описании... Урупской бригады» определяются войной и борьбой с участниками набегов на станицы, ответными акциями казачьих отрядов против горских аулов. Поэтому противостоящие урупским станицам абазины однозначно называются Саньковым «хищниками». «Поселение бригады, отмечал историк, – производилось в самое тревожное время – с 1858 года, в близком соседстве с хищными и непокорными племенами Тамовским и Кызылбековским, которые делали частые хищнические набеги» [21]. Более подробных сведений об абазинском племени Там, которое обитало в 1858 г. в двух больших селениях на правом и левом берегах Большой Лабы, а в 1861 г. выселившихся за Главный Кавказский хребет и в Турцию, мы в

очерке М.И. Санькова не найдём. Кызылбековцы, получившие своё наименование от княжеской фамилии, жившие шестью поселениями и большей частью выселившиеся в 1861 г. в Турцию [22], также не удостоились более подробного рассказа. Тем не менее, автор отдаёт должное своим противникам, не раз говорит об их «отчаянной храбрости», умелой тактике нападения и защиты, устройства засад. «По случаю неудобной местности у Тенгинской теснины для поселения станицы Подгорной, согласно просьбы жителей, было избрано другое место вниз по р. Тегеню на три версты, – сообщал М.И. Саньков. – 31-го мая (1858 г. – О.М.), когда было приступлено к разбивке нового места и перевозке переселенцев, сборище горцев, более 500 человек, выскочило из леса, и разделяясь на две партии, бросились: одна на транспорт с имуществом, другая на житейский скот. И как горцы напали неожиданно, то первоначально перевес был на их стороне» [23]. Сама доблесть казаков раскрывается в очерке М.И. Санькова через описание «отчаянной храбрости» абазин. Рассказывая о противостоянии команды казаков, возглавляемой полковником Е.Ф. Семенкиным в 40 человек и превосходящего её в 5 раз отряда горцев 17 мая 1858 г., автор отмечал: «Тут неприятель, спешившись наполовину, снова отчаянно бросался на команду, но с тою же храбростью, с которою казаки дрались уже более часа, был опрокинут, оставив в руках казаков одного из самых отчаянных горцев с полным вооружением. За это дело Семенкин награждён орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, а казаки знаками отличия военного ордена 4 ст., и в память этого молодёцкого дела, посту, устроенному на горе, где происходил бой, – дано высшим начальством наименование "Непобедимого"» [24].

Казачий офицер, для которого Кавказская война стала судьбой, главным содержанием жизни, не сомневается в необходимости и справедливости дела, которому посвятил свои молодые годы, в которое вложил свою физическую и душевную энергию. Историческое самосознание М.И. Санькова определялось твёрдой уверенностью в необходимости умиротворения края: практически все описанные в очерке военные действия казаков Урупской бригады носят оборонительный характер, а там, где рассказывается об экспедициях в глубь гор, причины движения

«летучего» отряда объясняются необходимостью оказать «нравственное влияние» на горцев [25].

Таким образом, если говорить о каких-то элементах методологии истории в труде М.И. Санькова, то он явно выполнен в русле концепции «самосохранения России», сформулированной в наиболее сконцентрированном виде в трудах военных историков первой половины XIX в. Я.П. Гавердовского, Г.Ф. Гейнса, М.И. Венюкова и др. Исторической миссией Российского государства признавалось с позиции этой теории создание надежной гарантии защиты «цивилизованного мира» от возможного вторжения воинственных кочевых орд, постоянно находившихся в состоянии динамического передвижения и, как считали эти авторы, способных возобновить «ужасы Батыева нашествия». Из этой посылки выводилось заключение, что внешняя политика России преследовала главную цель – обезопасить свои рубежи от вторжений извне посредством сооружения военных линий и их продвижения вглубь вражеской территории до естественных пределов – гор, рек, морей – которые рассматривались в качестве надежного заслона от враждебных происков соседей. Мало кому из авторов с подобным мировоззрением, по словам В.В. Дегоева, приходило в голову называть образ жизни горцев уникальной культурой: Россия несла с собой цивилизацию, прогресс, которые должны были вытеснить «необузданные страсти» и «первобытные нравы» горцев [26]. Поэтому работа М.И. Санькова мало что даёт в плане концептуального видения событий, она ценна своим фактографическим материалом, направлена на создание прочной источниковой базы, без которой сегодня не может обойтись ни один серьёзный исследователь Кавказской войны. То обстоятельство, что архив Урупской бригады не сохранился, позволяет считать очерк, составленный бригадным адъютантом уникальным текстом. Правда, сам автор оговаривает ограниченные возможности штабных документов: «О тех делах Урупских сотен с горцами, о которых доступно было собрать сведения, излагается ниже сего; об участии же Урупских казаков в делах при нападении горцев на укр. Хамкеты и другие пункты, где они доблестно поддерживали славу казаков, в бригадном архиве, к сожалению, нет письменных сведений [27].

Особая роль в «Описании... Урупской бригады» принадлежит такому «противнику», как природа Западного Кавказа. При этом упор делается на монументальности свершаемого: покорение горных хребтов, описание трудностей борьбы с природой лишней раз подчёркивают жертвенность казаков, принесённых на алтарь Отечества: «30 августа (1863 г. – О.М.) отряд под начальством полковника Семенкина выступил из ст. Сторожевой; это был первый отряд, которому предстояло перейти с северного на южный склон, поэтому он чрезвычайно заинтересовал участников. 2 сентября, с 5 часов утра, отряд двинулся к Марухскому перевалу, пройдя с величайшим трудом около 3 вёрст по ледникам, которые образовались из лежащего там в огромной массе снега, и примыкают к весьма крутому каменистому подъёму, по которому пролегает в скале довольно узкая тропа. На этом льду, а в особенности на обрывистом гранитном подъёме, многие лошади падали и получали значительные ушибы и раны, а некоторые убивались в смерть» [28].

Помимо военной истории, М.И. Санькова интересовали и вопросы современной жизни казачьего Приурупья. В 1869 г. в газете «Кубанские войсковые ведомости» была напечатана его работа «О разделе в станицах 5-й бригады войска Кубанского юртовых земель на 3-х и 4-х польное владение и потом подушно – на паи», в которой автор демонстрирует хорошее знание проблем казачьего землепользования. «Во всех станицах 5-й бригады, – писал М.И. Саньков, – распашка земли и сенокосы, а также пастьба скота, до настоящего года, производилась произвольно и не в порядке, отчего много земли оставалось непроизводительною; она пропадала без пользы для самих обществ и для частных лиц» [29].

Автор статьи привёл примеры непроизводительного использования станичной земли: «Один хозяин, бывало, вспашет землю в нескольких участках, по одному и по два загона и не подряд, а один от другого на значительном расстоянии, делая пашни концами, т.е. как говорится – и вкривь и вкось, не обращая внимания на громадные промежутки и на потерю времени на переезд с одного места на другое для уборки хлеба. Таким манером поступали и другие жители, как в распашке, так и в сенокосе. Через этот произвол весь станичный юрт, с большими промежут-

ками между пашнями и покосами, был занят, а между темэти то обойденные промежутки, если взять в массе, составляли почти половину всего юрта хорошей почвы, бесполезно ежегодно оставшейся. При других же порядках, земля эта, за удовлетворением частной потребности, могла быть отдана обществом в аренду или под покос, или же под распашку, что принесло бы немалую цифру станичного дохода, в котором ежегодно нуждаются некоторые станицы, не имея возможности из чего удовлетворить даже ничтожным жалованьем станичных правителей, не говоря уже о других не менее важных станичных нуждах. Кроме того, такую безалаберною распашкою и сенокосом почти по всей юртовой земле стесняли пастбищные места, делая при этом неизбежную потраву хлебов или сена» [30].

М.И. Саньков отмечал, что «такую широкою распашкою земли и сенокосом пользовались большею частию одни зажиточные казаки, в ущерб и насчет бедных, а также вдов и сирот, которые не имея средств обрабатывать землю, не имели права временно отдавать свою часть земли кому либо за условленную плату, ибо земля не была разделена как бы следовало по душам уравниательно, а находилась в общем владении. Какая же в этом была справедливость? Ведь единственный источник казака для снаряжения себя на службу и упрочнения своего хозяйства есть земля, на известное число десятин которой, в своем юрте, по закону каждый имеет право, а между тем он лишен был этого права, чтобы по произволу распорядиться своими паями, которые послужили бы ему немалым подспорьем, для приготовления на службу, для оплаты окладных денег на наем почтаря и на другие потребности» [31].

Офицер рассказал о совещании, которое устроил командир бригады Е.Ф. Семенкин со станичными начальниками и стариками, доверенными от общества, где были высказаны соображения о перераспределении земли на участки. В марте-апреле 1869 г. во всех станицах 5-ой бригады приступили к разделу юртовых земель на участки, а последних – на подушные пай. Как «человек, сочувствующий благосостоянию казаков», М.И. Саньков через газету обращался с просьбой к офицерам и казакам других бригад войска делиться передовым опытом «посредством печати»: «Всякое полезное указание на улучшение казачьего хозяйства будет

принять с благодарностию. Ведь не всё же жить собственно для себя, а следует, по мере сил и способностей, помогать и обществу» [32].

После выхода в отставку М.И. Саньков более 10 лет служил смотрителем Отрадненской тюрьмы. О периоде его службы в пентициарной системе Кубанской области в Государственном архиве Краснодарского края сохранилась лишь переписка 1871–1872 гг., вызванная жалобой урядника Бугаева и казаков Калабухова и Ковалья на войскового старшину М.И. Санькова в связи с порционным довольствием караульной команды Отрадненской тюрьмы. Однако атаман Баталпашинского отдела быстро разобрался в ситуации и пришёл к выводу, что недоразумения возникли не по вине смотрителя. «Из порционных денег, подлежащих нижним чинам караульной команды, – сообщал атаман Баталпашинского отдела Наказному атаману Кубанского казачьего войска 25 мая 1872 г., – было высчитано на заведение артельных книжек, хотя и по приказанию Смотрителя, но не им самим, а артельщиками, так как казакам деньги эти не выдавались на руки ввиду того, что они должны были довольствоваться во избежание неудобств продовольствия, из общего артельного котла. Показание урядника Бугаева, что Смотритель тюрьмы не выдал деньги полностью, хотя он, Бугаев, расписался в получении всех порционных денег, ничем не подтверждается, и как заявили казаки, Бугаев никому об этом не объявлял, хотя и удержал из порционных денег по несколько копеек, но куда эти деньги поступили, они не знают» [33]. Произведённое отдельским атаманом дознание показало, что «урядник Бугаев, продовольствуя команду, действительно купил один раз дурного луку, а по некоторым купленным продуктам показал стоимость их выше действительности, в чём тогда же был замечен». Казаки Коваль и Калабухов показали, что покупка недоброкачественных продуктов производилась «будто бы по распоряжению Смотрителя тюрьмы Войскового Старшины Санькова». Атаман объяснил недоразумение следующим образом: «По усвоившемуся обычаю в бывших бригадах казаки, находящиеся в карауле при тюрьмах, были поочерёдно отпускаемы в домовые отпуска для взятия провианта и приварка. С упразднением бригад порядок этот был отменён и во избежание неудобства продовольствия казаков мною было предписано всем

Смотрителям учредить в командах артели и порционные деньги выдать артельщикам, выбранным по желанию самих казаков из среды своей, а для проверки в правильном израсходовании артельщиками порционных денег на продовольствие чинов завести на те же деньги артельные книжки» [34]. Однако заведующий судной частью сотник Суржиков не сделал копии этого приказа для Смотрителя Отрадной тюрьмы. Инцидент был исчерпан.

Тюрьмой М.И. Саньков заведовал до 1882 г. [35] В этом же году отраденцы избрали Матвея Ивановича станичным атаманом [36]. Однако отставной войсковой старшина был больше занят, по-видимому, благоустройством своего хутора, поэтому в 1884 г. многие документы станичного правления подписаны «исправлявшим должность станичного атамана» урядником И. Винокуром [37]. Последний, отличаясь «нетрезвым поведением» [38], возложил всё управление станицей на своих помощников – урядников Мясникова и Гречихина, которые, в свою очередь, как отмечалось в приговоре станичного сбора 31 января 1885 г., «положительно бездействуют по должности» [39]. Лишь 5 марта 1885 г. казаки ст. Отрадной избрали нового атамана – отставного сотника Василия Алексеевича Куксова [40].

Когда 25 января 1880 г. было основано Кубанское экономическое общество – добровольное объединение подвижников, заинтересованных в развитии сельского хозяйства Кубанской области, и желавших своими силами, знаниями и опытом содействовать аграрному прогрессу [41], М.И. Саньков стал действительным членом этого общества [42].

Предпринимательская жилка отставного офицера сказалась в том, что он стал заниматься кредитованием под высокие проценты в станице Отрадной и её окрестностях. В начале 1893 г. мещанин станицы Передовой Михаил Забашта донёс атаману Баталпашинского отдела о том, что Саньков «слывёт за ростовщика, который громадными % составил изрядный капитал». Произведённое адъютантом атамана Баталпашинского отдела есаулом Бесединым расследование в 1893 г. выявило следующие факты. При оставлении службы в начале 1870-х гг. М.И. Саньков, «не имея никакого хозяйства, занялся более лёгким и выгодным трудом, это отдачею в рост капитала, скопленного им на службе, по неимоверно высокой уплате. Но чтобы не быть ответственным

перед законом и придать сделке законную форму, возможные проценты прибавлял к капиталу и на эту сумму брал векселя, писанные его рукою. Такие сделки он имел не только с жителями ст. Отрадной, из коих в настоящее время 2/3 состоят и состояли должными, но и в соседних станицах и селениях, как напр. в ст. Надёжной, Удобной, Передовой, Спокойной, селениях Кунлинском, Ивановском, Ливентель и других» [43].

Отставной казак Фёдор Фисенко показал, что он, «имея крайность по хозяйству, вынужден был занимать деньги у войскового старшины Санькова несколько раз по 100–200 р. с платою за 8-9 месяцев по 40 р. В настоящее время он взял у него ещё 40 р. на 5 месяцев и вексель вновь на 50 р.» [44]. Проживающий в ст. Отрадной колонист Фридрих Эйфлер показал, что занимаясь производством и продажей колбас и окороков, он занимал у Санькова 100 р. на 6 месяцев за проценты 45 руб. Такие займы делал ежегодно, «да и в настоящее время ещё состоит должником» [45]. Отставной казак Роман Долженко занимал у Санькова по 50 руб. на полгода и всегда платил по 15 руб. процентов, «но если случалось не отдать к сроку какой-либо части денег, то он требовал другой вексель, и прибавивши наложенные им проценты по своему усмотрению и старого векселя до окончательного расчёта не возвращал» [46]. Среди должников М.И. Санькова в архивном деле фигурируют также отставные урядники Пётр Черенков и Пётр Караченцев, казаки Алексей Караченцев и Моисей Макаренко, крестьянин Яков Захаров.

М.И. Саньков был в числе тех, кто содействовал развитию просвещения родной станицы. Поскольку школьному образованию в Отрадной станичники не уделяли должного внимания, и местное училище откровенно прозябало, М.И. Саньков выступил с инициативой отдать полагающиеся офицерским семьям земельные участки в границах станичного юрта в аренду. Полученные деньги он предлагал пустить на развитие школы. 28 апреля 1880 г. Саньков писал начальнику Баталпашинского уезда: «В 1868-м году в числе подлежащих в наделе обер-офицерам в 200 десятин земли, временно отведен мне в числе прочих офицеров ст. Отрадной участок 150 десятин, на границе юртов станиц Надежной и Отрадной, а 50 десятин земли оставлено впредь до

генерального размежевания в общем пользовании в станичном юрте ст. Отрадной.

А как эти 50 десятин по Высочайше утвержденному в 23 день апреля 1870 года Положению об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров, принадлежат мне, то я полагал бы полезным выделить их для отдачи в аренду в пользу мужского Отраденского училища, впредь до генерального размежевания и надела офицеров участками, на основании названного выше Положения.

К этому весьма полезному делу побуждает меня то обстоятельство, что наше общество (как я частью слышал) не сочувствует улучшению станичной школы, а между тем 12 офицерских семейств, я уверен, пожелают уступить по 50 означенных выше десятин, что составит 600 десятин, которые сгруппировав в одном месте, отдавать в аренду и выручаемые деньги собирать для открытия впоследствии двух классного училища в ст. Отрадной» [47].

Правда, не исключено, что М.И. Саньков здесь был не вполне искренен. Обещанные правительством 50 десятин из числа земель станичного юрта офицерам-отраденцам было получить нелегко, поскольку решение этого вопроса наталкивалось на упорное сопротивление станичников. Вполне возможно, что выделением офицерских участков для аренды в пользу благого дела народного образования Саньков рассчитывал ускорить затянувшийся в Кубанской области процесс размежевания и юридического оформления своей собственности. В чём он, вероятно, убедил и другие офицерские семьи. «Остальных офицеров, находящихся на службе в ст. Отрадной, – писал М.И. Саньков, не найдёте ли Ваше Превосходительство возможным спросить желание на уступки упомянутых выше 50 десятин в пользу форменно. Я уверен, что все они заявят свое согласие впредь до окончательного разделения земли, а между тем отраденское общество образуются» [48].

Расчёт М.И. Санькова оказался верным: главы офицерских семей поддержали инициативу отставного войскового старшины. Вдова бывшего начальника станицы есаула А.Ф. Селютина Марина Ивановна Селютина обращалась 5 мая 1880 г. к станичному атаману: «Слыша, что офицеры станицы Отрадной жертвуют по

50 десятин земли на Отрадное мужское училище впредь из той доли, какая отчислена за станичным юртом из Высочайше дарованных нам земель, и потому я со своей стороны изъявляю согласие на этот благой почин, дабы процветало наше Отрадное мужское училище, к сему подписуюсь Вдова Есаульша Марина Селютина». Интересно, что ратовала за «благой почин» неграмотная женщина, поскольку «за неграмотную ея расписался по просьбе хорунжий М. Карабицкий» [49].

С подобным обращением выступила 2 мая вдова есаула Прасковья Сулуквадзе: в заявлении её звучит та же фраза о «благом почине» и «дабы процветало наше Отрадненское училище», а «за неграмотностью расписался урядник А. Швядкий» [50]. Хорунжий М. Карабицкий в своем обращении станичному атаману 1 мая 1880 г. представил развернутое обоснование вопроса явно в духе М.И. Санькова: «Станица Отрадная с самого населения своего входит в разряд выдающихся станиц по географическому и торговому отношению своему. Здесь два народных училища, но не одно из них, к сожалению, не достигло своей цели по многим причинам, и если же приняться за это дело энергичнее, то здесь одноклассное мужское училище представится преобразовать в 2-х классное училище. Здесь есть источники, но они одни не проявляются в свет, а другие вовсе исчезают; для примера укажу хоть бы юртовый земельный надел, и если бы с ним распоряжались правильно, да вдоволь было бы желательно и остаток обращался бы в оброчную статью, которую легко можно ссужать для усиления средств училища» [51].

Далее хорунжий сообщал, что с решения выделить офицерам по 50 десятин из станичного юрта «прошло вот уже более 10 лет, правильного размежевания у нас нет, даже не было и хозяйственной съемки, когда она будет неизвестно, а те 50 десятин остаются для меня бесплодными, ими распоряжается всякий, кто хочет, потому что я не занимаюсь ни пашнею, ни покосом, мой и тот надел, который я должен иметь наряду с казаками, а равно и сына моего ежегодно остается свободным». Не кроется ли в этой фразе истинное содержание «благого почина»? М. Карабицкий пишет, что из офицерских участков «составится 600 д. и этот клочок земли можно будет **отделить** (выделен нами. – О.М.) в каком либо месте и отдавать в аренду» [52].

Как бы то ни было, инициатива отрядненских офицеров о развитии народного просвещения выглядела похвальной, и начальник Баталпашинского уезда направил эти обращения Наказному атаману Кубанского казачьего войска и начальнику Кубанской области генерал-лейтенанту Н.Н. Кармалину. Н.Н. Кармалин проблемам просвещения населения Кубанской области всегда уделял особое внимание [53]. Однако зная не понаслышке об остроте земельного вопроса в области, отношение рядовых казаков к нарушению традиционного землевладения и выделению из войскового фонда специальных офицерских участков, он, по-видимому, разгадал хитрость М.И. Санькова. 2 сентября 1880 г. он предложил объявить участникам обращения, что поскольку «участки офицеров отведены в размере $\frac{3}{4}$ отведенного им по Положению количества десятин, а оставленные $\frac{1}{4}$ в станичных юртах, ввидуэтих соображений, что размер их должен находиться в зависимости от качества земли и может быть окончательно определен только по таксации, а потому впредь до производства таковой в юрте ст. Отрадной и выяснения в том размера в зоне юрта офицерских участков я не нахожу оснований удовлетворению их ходатайство, так как по производству таксации или по недостатку в той местности земель размер следуемых им участков может и не превысить 150 дес.» [54].

Тем не менее, сам факт обращения к нуждам отрядненской школы составил М.И. Санькову репутацию радетеля просвещения, которую он и в дальнейшем старался поддерживать. Так, 1 января 1896 г. М.И. Саньков писал заведующему мужским училищем Н.И. Кириченко: «Милостивый государь, Николай Иванович! С великою скорбию видя многих своих станичников простого класса, утопающих в большом невежестве, и до-владимировском суеверии и поверии, и так как единственный выход из этого заколдованного круга просвещение народа грамотою, то в виду этих соображений я с покорнейшей моею просьбою обращаюсь к Вам, достойнейший Николай Иванович, о нижеследующем. Зная Ваше доброе и сердечное отношение к делу народного образования вообще, я решился доверить Вам мои давнишние желания – основать при вверенном Вам местном училище народную библиотеку, на основание которой я посылаю 50 руб. (пятьдесят рублей), и более нежели на 30 руб. разного рода

книг и брошюр духовного, сельскохозяйственного содержания и проч. Примите мой посильный дар на благо темного люда и да просветит Господь этим началом его неведение, Вас да укрепит в силе перенести с любовью столь величайшее служение народу – в новом труде» [55].

Н.И. Кириченко, известный радетель народного образования и краевед [56], был от души тронут. В восторге он написал в областную газету: «Начало Нового года для нашего мужского училища ознаменовалось отрадным начинанием, достойным подражания лиц, желающих оказать помощь делу народного образования в нашей станице, по примеру других просвещенных лиц и мест, путем распространения народных библиотек и читален, пожертвовал на Новый год Отрадному мужскому училищу на образование при нем народной библиотеки и на более успешное развитие этого доброго дела в будущем 50 руб. деньгами и на 30 руб. (из собственной библиотеки) книг и брошюр религиозного и сельскохозяйственного содержания. Такое доброе отношение Матвея Ивановича к местному училищу и своим станичникам – не первое. Ещё в минувшем году (18 октября) он также пожертвовал из своего питомника в училищный сад 16-ть абрикосовых деревьев от 2 до 3 лет. В виду такового сердечного отношения к делу народного развития и нуждам нашего училища считаю священным долгом выразить глубокую признательность уважаемому Матвею Ивановичу г. Санькову от имени училищного совета и тех лиц, которые тем или иным путём заботятся о благе народного развития и его соединения со школою. Дай Бог, чтобы такое теплое отношение г. Санькова к нашей школе нашло у нас и между другими интеллигентными лицами (которых у нас немало) и в других местах подражателей на благо возрождающегося в Кубанской области народных библиотек и читален!» [57].

Инициатива М.И. Санькова действительно была поддержана. 22 февраля 1896 г. «Кубанские областные ведомости» писали: «Доброе начинание г. Санькова <...> нашло себе достойных последователей и между остальными членами нашего общества нашей станицы, которые жертвовали и деньгами, и книгами на обзаведение библиотеки. <...> Среди жертвователей священник М.И. Сапезко, атаман Ф.А. Чекильдин, фельдшер И.И. Лапин,

содержатель аптеки И.О. Бжазай, судебный следователь В.В. Федоров и др.» [58].

М.И. Саньков был прекрасным знатоком полковых песен урупцев: от него в станице Отрадной были записаны песни «Вознесенская станица» об отбитии нападения горцев начальником Лабинской кордонной линии полковником П.А. Волковым, и «Мы стояли на горе» – о доблестном командире Урупской бригады Е.Ф. Семенкине [59]. По поводу этих песен кубанский фольклорист А.Д. Бигдай сообщал: «Записаны Фёдоровым от Санькова в ст. Отрадной» [60]. Кто такой Фёдоров, упомянутый А.Д. Бигдаем? Дело в том, что свою интенсивную собирательскую работу А.Д. Бигдай вёл не столько сам, сколько с помощью своих ассистентов и корреспондентов на местах [61].

А.Д. Бигдай мог быть связан с двумя Федоровыми, проживающими в ст. Отрадной. Во-первых, по долгу службы (Бигдай служил мировым судьёй 4-го участка Екатеринодарского судебного мирового округа) с упомянутым выше судебным следователем Отраденского участка коллежским секретарем Владимиром Васильевичем Федоровым [62], пожертвовавшим вслед за М.И. Саньковым на народную читальню.

Во-вторых, с 1892 г. в мужском училище ст. Отрадной служил законоучителем священник Михаил Николаевич Фёдоров, окончивший Кавказскую духовную семинарию [63]. Известно, что в 1875 г. А.Д. Бигдай также закончил эту семинарию, и, мог знать отца Михаила.

Оба Фёдорова, священник и следователь, по-видимому, составляли круг общения М.И. Санькова и могли послужить корреспондентами А.Д. Бигдаю. Вопрос о связях А.Д. Бигдая с отраденской интеллигенцией нуждается в дальнейших разысканиях. Интересным дополнением к портрету М.И. Санькова служат сведения архивных документов о его религиозных предпочтениях. При производстве дознания атаманом Баталпашинского отдела Бесединым в 1893 г. отставной урядник Пётр Караченцев заявил, что М.И. Саньков «помимо ростовщичества занимался ещё распространением между жителями хлыстовской секты, что может подтвердить вся станица» [64]. Казак неслужилого разряда Дмитрий Маньшин показал, что лет пятнадцать назад Санькова «совершил в хлыстовскую секту проживающий в г. Георгиевске от-

ставной солдат Пётр Данилович Лордучин. С того времени г. Саньков занимается распространением среди жителей ст. Отрадной и окрестных станиц по рр. Уруп и Лабе хлыстовской секты, в которую совратил и его, Маньшина». В этой секте Маньшин состоял около десяти лет, но «убедившись в ложности учения, отказался от хлыстовства и принёс повинную отраденскому священнику Сапежко, заявив ему письменно о всех действиях войскового старшины Санькова, указал поставленных им по станицам проповедников, к которым ему приходилось ездить с г. Саньковым» [65]. Однако священник, связанный узами тесного общения с семьёй отставного офицера более 30 лет, хода делу не дал. Казак Алексей Караченцев свидетельствовал: М.И. Саньков распространяет учение хлыстов «с левой стороны р. Кубани, как это делает по правой стороне Кубани отставной есаул ст. Баталпашинской Уклеин».

По свидетельству Д. Маньшина, Саньков «при отдаче в рост денег совращённым им лицам не брал процентов, но за все сектанты в летнее время косят сено, убирают хлеб, возят дрова и всё это бесплатно». Бывший станичный атаман, отставной урядник Георгий Шмайлов подтвердил, что М.И. Саньков «действительно принадлежит к секте хлыстов, часто посещает дом бывшего когда-то у него вестовым казака Васильева, где и развращает народ» [66]. О том, что Саньков ходит в дом известного в станице хлыста Васильева «для проповедования ложного учения», заявил и казак Моисей Макаренко.

Правда, отставной офицер решительно отверг все обвинения. 12 июля 1893 г. М.И. Саньков пишет рапорт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска Я.Д. Маламы с просьбой оградить его «от весьма обидных придинок и подозрений». «Может быть, я не нравлюсь начальству Баталпашинского отдела потому, что по наклонности моей к религиозности я уже давно перестал посещать клубы, ночные и дневные оргии, танцы, картёжные игры и вообще стал удаляться разгульной и антихристианской жизни, – писал Матвей Иванович, – все же христианские догматы, изложенные в символе веры, все правила и уставы нашей святой православной церкви я признаю и исповедую заистинные, спасительные, и искренно желал бы пробыть в ней до конца моей жизни. У исповеди и Святого причастия я бываю

своевременно. Я не только не отступился от православия, но даже ревнитель, что подтверждается тем обстоятельством, что моими убеждениями и стараниями семейство станицы Отрадной урядника Тимофея Щербакова из секты баптистов обращено и присоединено к православной церкви в конце минувшего 1892 года» [67]. Автор обращения отмечал, что старается жить «согласно Евангельского учения Господа нашего Иисуса Христа и постановлениям Святой и Апостольской церкви, многократно очищенной от различных ересей на семи вселенских соборах». К обращению было приложено свидетельство приходского священника станицы Отрадной Максима Сапежко. Последний свидетельствовал, что всё семейство М.И. Санькова «неуклонно исполняет все обязанности православного христианина, именно: ежегодно говевет, исповедывается и причащается Святых тайн Христовых; Церковь Православную чтит и почитает в Воскресные и праздничные дни, когда бывает дома и относится с благоговением. Вообще, всё семейство Санькова Матвея Ивановича во главе с ним ведёт себя в жизни домашней и общественной так, как подобает это благочестивому члену Православной Церкви Христовой» [68].

Из дела сложно однозначно судить, был ли это заговор обиженных Саньковым должников, или Матвей Иванович действительно увлёкся учением хлыстов. Ведущий специалист в области истории линейных станиц Кубани В.А. Колесников указывает на значительную роль сектантства в религиозной жизни казачества второй половины XIX в. [69] По крайней мере, член Ставропольской духовной консистории священник Пётр Овсянников в обращении от имени консистории к начальнику Кубанской области 17 февраля 1894 г. пишет, что Саньков «изобличается в принадлежности к сектантству и распространению лжеучения между православными» [70]. То есть консистория, проводя, по-видимому, собственное расследование, говорит о сектантстве Санькова как об установленном факте, просит начальника Кубанской области учредить за ним полицейский надзор и одновременно обращается к прокурору Екатеринодарского окружного суда с привлечением отставного войскового старшины к суду. 23 марта 1894 г. замещающий атамана Баталпашинского отдела войсковой старшина Захаров сообщал Я.Д. Маламе, что «вследствие предписания Вашего Превосходительства от 10 февраля за №

1691 полицейский надзор за войсковым старшиной Саньковым учрежден» [71].

С другой стороны, Матвею Ивановичу, видимо, удалось выйти из этой щекотливой для него ситуации. В деле есть запись: «Сенат признал жалобу Забашты не заслуживающей уважения. Оставить без последствий» [72]. Во всяком случае, свой земной путь М.И. Саньков завершил по православному обряду. В метрической книге за 1898 г. Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной значится, что умер отставной войсковой старшина Матвей Иванович Саньков «от катара желудка и кишек» 14 апреля 1898 года, погребён 16 апреля 1898 года в возрасте 72 лет. Офицер был похоронен «на общем кладбище, погребение совершал протоиерей Максим Сапежко с псаломщиком Михаилом Курдюмовым» [73].

Несколько слов о семейных делах М.И. Санькова. Матвей Иванович был женат первым браком «на казачьей дочери Екатерине Макаровой-Сухоруковой» [74]. От этого брака у него, по видимому, было трое детей. В метрической книге за 1890 год Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной при рождении сына унтер-офицера Лейб-гвардии Кубанского эскадрона М.П. Белякова восприемниками значатся «сын Войскового старшины Сергей Матвеевич Саньков и дочь его же Серафима Матвеевна Санькова» [75]. Кроме того, в списке землевладельцев встретилось имя Матвея Матвеевича Санькова.

Очевидно, после смерти супруги, М.И. Саньков женился вторично. В метрической книге за 1883 г. отмечено рождение 6 декабря 1883 г. у него и «законной жены его Марии Михайловны» дочери Анны [76]. Анна Матвеевна Санькова скончалась 30 декабря 1908 г. в возрасте 24 лет в результате отравления [77].

В метрической книге за 1890 г. Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной имеется запись о рождении у войскового старшины М.И. Санькова и «законной его жены Марии Михайловой» сына Дмитрия: рождён 14 октября 1890 г., крещён 20 октября. Восприемниками стали священник Максим Иванович Сапежко и жена урядника Лейб-Гвардии Кавказского казачьего эскадрона Раиса Михайловна Белякова [78]. Однако 5 декабря 1898 г. Дмитрий в возрасте 8 лет скончался от дифтерита [79].

На владельческом участке М.И. Санькова в 150 десятин, который он получил в 1868 г. «на границе юртов станиц Надежной и Отрадной», был поселен хутор, названный по фамилии войскового старшины. По данным на 1882 г. хутор Саньков располагался в 12 верстах от ст. Отрадной на левом берегу р. Уруп, имел 150 десятин земли и 3 строения. На хуторе проживало 38 человек (20 мужчин и 18 женщин) иногородних, имеющих оседлость. По национальной принадлежности, все они были великороссами и православными [80]. Сегодня на хуторе Саньков, где мы с С.Г. Немченко побывали в 2013 г., проживают в основном цыгане. Среди оставшихся 5-6 семей местных старожилов сохраняется память о *барыне Санычихе*, которая владела здесь помещением и погибла, по-видимому, в Гражданскую войну [81]. Поскольку по данным на 1911 г. хутор принадлежал Сергею Матвеевичу и Матвею Матвеевичу Саньковым, то не исключено, что речь в народном предании идет об одной из невесток М.И. Санькова, которая управляла имением в годы революции и Гражданской войны (вопрос нуждается в дальнейшем изучении). Впоследствии в рамках хутора действовал семеноводческий колхоз им. Т.Г. Шевченко, который объединял около 100 дворов.

Таким образом, весьма неоднозначная персональная история Матвея Ивановича Санькова рисует черты храброго офицера и предприимчивого офицера, благотворителя и хозяйственника, талантливого очеркиста, и, в то же время стяжателя, не забывающего свои интересы на ниве общественного служения. Его «Описание поселений 5-й (Урупской) бригады» явилось одним из первых сочинений, написанных в русле опытов полковых историй Кубанского казачьего войска. Несмотря на то, что автор набил руку, в лучшем случае, на составлении штабных бумаг, входивших в компетенции батальонного адъютанта, его очерк о боевой жизни урупцев на завершающем этапе Кавказской войны несет идеи героики и жертвенности казаков при умиротворении края и обороне родных станиц в общественное сознание. Последующий жизненный путь офицера-урупца показывает, что М.И. Саньков не всегда следовал декларируемым ценностям казачества на фоне быстро модернизирующейся действительности. Однако Саньков – писатель, атаман, ростовщик, сектант, подвижник просвещения родной станицы со всеми своими заслугами и за-

блуждениями одинаково дорог нам, поскольку в его биографии и наследии, как в зеркале, отразилась вся противоречивая эпоха дореволюционного прошлого Приурупья.

Примечания:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 220. – Л. 1156.
2. Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 в.). – М., 2012. – С. 322, 324.
3. Там же. – С. 320.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 135. – Оп. 3. – Д. 1033. – Л. 191 об. – 192.
5. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 220. – Л. 1156.
6. Там же. – Л. 1159 об.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. – Л. 1160.
10. Там же.
11. *Саньков, есаул*. Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). – 1868. – № 12. – С. 52.
12. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 220. – Л. 1161.
13. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 236. – Л. 23 об.
14. ГАКК. – Ф. 254. – Оп. 2. – Д. 216. – Л. 2.
15. *Шкуро В.И.* Генерал-майор Е.Ф. Семенкин – воин и администратор (штрихи к биографии) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002. – С. 70.
16. *Саньков, есаул*. Указ.соч. // КВВ. – 1868. – № 11. – С. 49.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. *Кипкеева З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. – С.298–299.
23. *Саньков, есаул*. Указ. соч. // КВВ. – 1868. – № 11. – С. 49.
24. Там же.
25. Там же // КОВ. – 1868. – № 12. – С. 52.
26. *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны: историографические итоги // *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и дополн. М., 2003. С. 257.
27. *Саньков, есаул*. Указ.соч. // КВВ. – 1868. – № 11. – С. 49.
28. Там же // КВВ. – 1868. – № 12. – С. 52.

29. *Саньков М.* О разделе в станицах 5-й бригады войска Кубанского юртовых земель на 3-х и 4-х польное владение и потом подушно – на паи // КВВ. – 1869. – №. 22. – С. 86.
30. Там же. – С. 86–87.
31. Там же. – С. 87.
32. Там же.
33. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 856. – Л. 9–9 об.
34. Там же. – Л. 9 об.–10.
35. Памятная книжка Кубанской области на 1880 год.– С. 96.
36. Кубанская справочная книжка. 1883 / *Сост. Е.Д. Фелицын.* – Екатеринодар, 1883. – С. 46.
37. ГАКК. – Ф. 1 ОАФ. – Оп. 1. – Д. 526. – Л. 1.
38. Там же. – Л. 17.
39. Там же. – Л. 5.
40. Там же. – Л. 11.
41. *Бридня О.* Кубанское экономическое общество // Кубановедение от А до Я. Энциклопедия / *Под общ.ред. В.Н. Ратушняка.* – Краснодар: Традиция, 2008. – С. 254.
42. Памятная книжка Кубанской области на 1880 год / *Под ред. Е.Д. Фелицына.* – Екатеринодар, 1880. – С. 80.
43. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2407. – Л. 5.
44. Там же.
45. Там же. – Л. 5 об.
46. Там же. – Л. 6.
47. ГАКК. – Ф. 574. – Оп. 1, – Д. 1588. – Л. 3–3 об.
48. Там же. – Л. 3 об.
49. Там же. – Л. 4.
50. Там же. – Л. 5.
51. Там же. – Л. 7–7 об.
52. Там же. – Л. 10.
53. *Гордейчук О.В.* Кубанская область в период управления Н.Н. Кармалиным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2007. – С. 21.
54. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1, Д. 1588. Л. 8.
55. *Кириченко Н.И., учитель.* Из ст. Отрадной // Кубанские областные ведомости (КОВ). – 1896. – 13 января. – № 9.– С. 3.
56. См.: *Бузаров А.К.* «Горд, что не напрасно прожил и оценён»: краевед, педагог, публицист Николай Кириченко // Кубанский сборник. – Т. VI (27) / *научн. ред., сост. О.В. Матвеев; ред.-сост. Г.В. Кокунько, Т.А. Василевская.* – Краснодар, 2015. – С. 97–113.
57. *Кириченко Н.И., учитель.* Из ст. Отрадной // КОВ. – 1896. – 13 января. – № 9. – С. 3.
58. *Кириченко Н.* Из ст. Отрадной // КОВ. – 1896. – № 41. – 22 февраля. – С. 3.
59. *Бигдай А.Д.* Песни кубанских казаков. В редакции В.Г. Захарченко. – Т. II. – Песни линейных казаков. – Краснодар, 1995.– № 23. – С. 48–50, № 24. – С. 51.
60. Там же. – С. 491.
61. *Захарченко В.Г.* А.Д. Бигдай – собиратель народных песен Кубани // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории

- дореволюционной Кубани. Сборник научных трудов / *Отв. ред. В.Н. Ратушняк.* – Краснодар, 1989. – С. 124.
62. Кубанская справочная книжка 1894 года / *Сост. В.А Щербина.* – Екатеринодар, 1894. – С. 16.
63. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1895 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. – Тифлис, 1895.– Прил. III. – С. 258.
64. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2407. – Л. 6.
65. Там же.
66. Там же. – Л. 7об.
67. Там же. – Л. 19–19 об.
68. Там же. – Л. 23.
69. Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / *Научн. ред. О.В. Матвеев.* – Краснодар, 2009. – С. 99.
70. ГАКК. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2407. – Л. 26.
71. Там же. – Л. 27.
72. Там же. – Л. 33.
73. Архивный отдел Администрации муниципального образования «Отраденский район» (АОАМООР). – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 193 об.–194. Этот и другие документы районного архива предоставлены в наше распоряжение С.Г. Немченко.
74. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 2. – Д. 220. – Л. 1159 об.
75. АОАМООР. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 57 об.–58.
76. АМООР. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 175 об.–176.
77. ОАМООР. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 76 об.–77.
78. АОАМООР. – Ф. 303. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 230 об.–231.
79. Кубанская область Списки населенных мест. По сведениям 1882 г. / *Сост. Е.Д. Фелицын.* – Тифлис, 1885. – № 5813.
80. Полевые материалы автора 2013 г. – Хутор Саньков Отраденского района Краснодарского края. – Информатор Гончарова (в девичестве Затолокина) Раиса Сергеевна, 1929 г.р.
81. Список землевладельцев Кубанской области и Черноморской губернии по данным уездных (окружных) по раскладке поземельных сборов Присутствий. За 1909–1911 гг. // Кубано-Черноморский землевладельческий сборник / *Сост. В.С. Сазонов.* – Екатеринодар, 1910. – С. 188.

Приложения

Приложение I.

М.И. Саньков.

**Описание поселения 5-ой (Урупской) бригады
Кубанского казачьего войска и отдельных действий ее частей
против непокорных горцев***

Первые станицы, поселенные в 1856 году на р. Урупе были Безсдорбная и Попутная; в следующем году, выше этих станиц, водворена станица Отрадная; потом, в 1858 году, было приступлено к поселению разом 6-ти станиц: Удобной и Передовой вверх по Урупу, Исправной – на р. Большом Зеленчуке, ниже бывшего Каменноостского Укрепления, Сторожевой – возле Надеженского Укрепления, при слиянии рр. Кефара и Бежгона, Спокойной и Подгорной – на р. Большом Тегене.

По присоединении к этим 9-ти станицам трех старых, поселенных еще в 40-х годах на р. Чамлыке и Урупе (Вознесенской, Чамлыкской и Урупской), из этих 12-ти станиц в 1858 году составлена бригада, которой дано название «Урупская», в составе двух полков 1-го и 2-го Урупских (ныне № 18 и 19-й). Командиром Урупской бригады и начальником Урупской кордонной линии назначен из гребенцев, войсковой старшина (ныне полковник) Семенкин, а командующими полками и начальниками кордонных участков войсковые старшины: 1-м Урупским — Демидовский (ныне полковник – Командир 6-й бригады, из Владикавказского казачьего полка), 2-м Урупским – Венеровский (ныне подполковник – Командир-24-го полка, из Горского казачьего полка).

В 1859 году поселены 2 станицы, по прямой линии от Сторожевой к верховьям Кубани, на р. Зеленчуке – Зеленчукская, а между рр. Аксаутом и Кордоником – Кордоникская. Затем в 1860 году поселены еще две станицы: одна в верховьях малого Тегеня – Надежная, а другая – в верховьях р. Урупа – Преградная. Каждая станица поселялась в числе 300 семейств.

* Представляем это описание в извлечениях, с сокращением подробностей.
Прим. ред. «Кубанских войсковых ведомостей».

По переформировании в 1861 году бригад, две старых станицы – Вознесенская и Чамлыкская, и две новых Преградная и Подгорная, отошли: первые две в 6-ю, а последние в 7-ю бригаду. В составе 12 станиц, оставшихся в 5-й бригаде, заключалось семейств: офицерских 46, урядничьих и казачьих 3687, – а всего 3728. Число этих семейств образовалось из разных элементов: линейных 1988, донских 296, малороссийских казаков и государственных крестьян 359, анапских поселян 495, и армейских женатых – 590, всего в числе душ: мужского 11734 и женского 9983. В конце 1866 года, поупразднении и расформировании 7 бригады, к 5 бригаде причислено 6 станиц: Подгорная, Безстрашная, Отважная, Ахметовская, Псеменовская и Преградная, а от 5 бригады отчислена в то же время станица Урупская – в 6 ю бригаду. Переселенцам на каждую душу обоего пола производился провиант: линейным в течении 5 лет, а прочим в течении 4 лет, от 7 лет и выше – полная дача, а ниже 7 лет – половинная; порционные деньги по 2 категории, в течении этого же времени служащим и не служащим казакам.

В единовременное пособие отпускалось на каждое урядничье и казачье семейство: линейным по 71 руб. 42 6/7 коп., а прочим по 107 руб. 14 2/7 коп., на вооружение выдавалось: первым по 10 рублей, а последним по 15 рублей. Офицерам отпускалось в пособие единовременно по 285 руб. 71 3/7 коп., а жалованье им производилось по окладам армейской легкой кавалерии — в течение 6 лет. Сверх того, на непредвидимые случаи и общественные постройки на каждую станицу производилось по 1500 руб.

Вместе с приходом переселенцев, места под станицы приготавливались армейскими войсками: вокруг четырехугольником выкапывались рвы глубиною 3 аршина и такой же ширины; по брустверу становился двойной плетень, набиваемый землею и опушиваемый колючим растением, с 4 или 6-ю на фасах орудиями. Жители выпускались за станицу на полевые работы только днем с прикрытием от войск, после предварительного разъезда скрытых мест и убеждения, что присутствия неприятеля близко нет. Скот выгонялся на пастьбу не далее версты от станицы, под прикрытием от войск пикетами.

Между станицами учреждались для 25 человек и более посты по одному и по два, смотря по расстоянию, с такою же ого-

рожею как и станицы, с одним или двумя орудиями и с вышкою у ворот для часового. После утреннего объезда окрестных скрытых мест, ставились наблюдательные конные пикеты: в местах более опасных, один из часовых был на коне, а ночью большая часть команды выходила для занятия секретов.

В случае появления непокорных горцев, установлено было кордонною инструкцією делать из орудий сигнальные выстрелы. По этой тревоге, если неприятель шел на станицу, жители и местный гарнизон спешили с оружием к станичной канаве, для отражения; а ежели неприятель нападал на кого-либо в поле, то бежали туда для преследования. По орудийным выстрелам, окрестные станицы обязаны были принимать сигнальные выстрелы для оповещения других станиц о тревоге, а казаки должны были скакать оттуда на помощь к месту происшествия.

Для защиты своих жилищ в первый год поселения, разрешено было сформировать по полусотне казаков в каждой станице, а на следующий затем год весною, вторую полусотню, первой и последней с производством следуемого от казны и войска полного довольствия. В течении трех лет, сотни эти занимали только посты и резервы, а по истечении этого срока сотни стали высылаться на службу уже вне своей бригады.

Поселение 5 бригады производилось в самое тревожное время – с 1858 года, в близком соседстве с хищными и непокорными племенами Тамовским и Кзыльбековским, которые делали частые хищнические набеги.

Полки 5 бригады, составляя кордонную стражу на Урупской линии, неоднократно были в действовавших отрядах и делах с горцами, под начальством Генералов: Евдокимова, Ольшевскаго и Геймана, Полковников: Семенкина, Нолькена, Кишинскаго и Шульги. О тех делах Урупских сотен с горцами, о которых доступно было собрать сведения, излагается ниже сего; об участии же Урупских казаков в делах при нападении горцев на укр. Хамкеты и другие пункты, где они доблестно поддержали славу казаков, в бригадном архиве, к сожалению, нет письменных сведений.

1858 год

17 мая при осмотре командиром бригады Семенкиным вновь устраиваемых 6-ти станиц и при переезде его из Урупской теснины в ст. Исправную, что на р. Большом Зеленчуке, в семи верстах от каменного моста чрез Зеленчук, при подъеме на довольно высокий хребет, отделяющий Уруп от Зеленчука, при закате солнца, кинулась конная партия горцев около 200 человек, скрывавшаяся близ дороги в лесистом глубоком овраге. Неприятель, подскакав на самую близкую дистанцию, сделал по казакам ружейный залп. Семенкин, имея при себе 40 казаков и в том числе много молодых и не бывших еще ни разу в деле, из вновь поселенной ст. Отрадной, тотчас приказал им спешиться и редкими, но меткими выстрелами удержать натиск неприятеля. Горцы, видя решимость и стойкость команды казаков, завязали сильную перестрелку, повторяя самые отчаянные нападения, но всякий раз молодецки были отбиты. Между тем, Семенкин, убедясь, что по отдаленности от Каменноостского укрепления и устраиваемой за ним станицы около 3-х верст выстрелы не могут быть слышны, решил подаваться вперед, и сражаясь, шаг за шагом, достиг до самой возвышенности хребта. Тут неприятель, спешившись на половину, снова отчаянно бросался на команду, но с тою же храбростью, с которою молодецки казаки дрались уже более часа, был опрокинут, оставив в руках казаков одного из самых отчаянных горцев, с полным вооружением.

За это дело Семенкин награжден орденом св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, а казаки знаками отличия военного ордена 4 ст., и в память этого молодецкого дела, посту, устроенному на горе, где происходил бой — дано высшим начальством наименование «Непобедимаго».

* * *

По случаю неудобной местности у Тегинской теснины для поселения станицы Подгорной, согласно просьбы жителей, было избрано другое место вниз по р. Тегеню на три версты. 31 мая, когда было приступлено к разбивке нового места и перевозке имущества переселенцев, сборище горцев, более 500 человек, выскочило из леса, и разделяясь на две партии, бросились: одна на

транспорт с имуществом, другая на жительский скот. И как горцы напали неожиданно, то первоначально перевес был на их стороне. В это время подъезжал к станице Командир бригады, который с частью бывшей при нем сборной сотни Урупской бригады сильно врезался в толпу неприятеля, напавшего на транспорт с жительским имуществом. Хищники, не ожидая такого стремительного и отважного налета, бросили добычу и разбежались по лесу. После этого, Семенкин с Урупцами поскакал к той партии, которая гнала уже жительский скот и вела перестрелку с сотней Волгской бригады (ныне 1-я бригада Терского казачьего войска) и присоединив к себе эту сотню, быстро повел казаков на неприятеля в шашки. Не выдержав такого дружного и смелого удара, горцы бросили скотину и скрылись в лесу, откуда они уже не решались выйти. Неприятель на месте боя оставил в наших руках 8-мь тел.

* * *

Вследствие известий о сильных неприятельских сборищах, имевших намерение снова напасть на вновь устраиваемые в 1858 году станицы Урупской 5-й бригады, были посланы пластунские из казаков команды по скрытным местам, для разведывания о неприятеле. Одна из таких команд в числе 17 человек, 5-го июня открыла выше верховьев р. Большого Тегеня, следы партии горцев в числе 35 человек, направлявшихся к этой реке, как видно, следовавшей из сборища для обозрения расположения войск у ст. Подгорной. Казаки, догнав эту партию, скрытно обошли ее и засели в густом бурьяне. Подпустив горцев на близкое расстояние, сделали по ним залп и двух горцев убили.

На другой день, т.е. 6-го июня, хотя сборище горцев, более 1000 человек, и бросилось было на ст. Подгорную, но по предварению пластунов и по принятым мерам предосторожности было отражено войсками нашими с большим с его стороны уроном.

1859 год

14 апреля значительная конная партия непокорных горцев, прокравшись за Кубань, отбила у ст. Бекешевской 10 лошадей, и

с этой добычей успела безнаказанно переправиться обратно, где, однако же, была замечена кордонной стражей и преследуема до Большого Зеленчука. Переправясь через Зеленчук, горцы хотя и скрылись было в лесистых оврагах, однакоже и тут были открыты пластунами станицы Удобной, которые и дали знать в эту станицу, а преследовавшая хищников хоперская команда и милиция, дала знать в ст. Исправную. По этому известию из Удобной, под начальством хорунжего Тимонова, а из Исправной – сотника Агибалова, быстро собрались казаки к тому месту, где скрылись горцы. Открыв их в лесу, настойчивым наступлением принудили бросить сперва добычу, а потом и своих лошадей. После этого, хотя горцам удобнее было по лесистым оврагам скрываться и отстреливаться, но казаки, видя, что таким образом горцы могут протянуть дело до ночи и потом ускользнуть, принуждены были выбивать неприятеля сплошной цепью и таким способом, не давая ему скрываться, убили 8 человек. В этом деле с нашей стороны убито: казаков 2, и ранено: офицер 1, казаков 3, и лошадь 1.

* * *

14 июня, после утреннего разезда, часов в 8, было выпущено из ст. Передовой стадо житейского скота на подножный корм, под прикрытием в ведении подпрапорщика Короводина с 50 рядовыми 22 роты 6 резервного батальона Лейб - Гренадерского Эриванского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, 30 казаками при одном уряднике и 2 станках ракетной команды 2 (ныне 15) Ставропольского казачьего полка.

Здесь необходимо пояснить, что станица Передовая поселена как бы в дефиле, шириною не более как в полторы версты; с обеих сторон лежат большие горы с огромными оврагами, покрытые лесом; левую сторону ее омывает Уруп, покрытый почти до ограды станицы лесом, поэтому-то хищники, в числе до 1000 человек, незаметно переправившись через р. Уруп ниже станицы и пройдя вдоль берега лесом, вышли под самую станицу, в момент смяли прикрытия и заняли весь рогатый скот, который одна часть сборища погнала к лесам, произрастающим в верховьях Урупа, другая же часть вступила в перестрелку с выбежавшим из ст. гарнизоном, состоявшим из неполных двух рот пехоты, и полторы сотни казаков.

В это время бывший военный начальник ст. Передовой сотник Штейн фон Нордепштейн, отправившийся было по служебной надобности на пост Кубанский с 50 солдатами 6 резервного батальона и частью казаков, заслышав произведенные по тревоге в станице орудийные выстрелы, хотя и бросился на неприятеля с целью отбить скотину, но как превышавшим его численностью в несколько раз более, был им отброшен. Пехота, хотя быстро выскочила по тревоге, но отставая, не могла оказать большой помощи кавалерии. При преследовании горцев далее, к Штейну собрались казаки: с фуражировки, окрестных постов и из ст. Удобной команды: донского № 14 полка и местная. Штейн хотя и водил казаков в атаку и сбивал неприятеля, но тот, отскакав до скотины, из прикрытия которого всякий раз поддерживали бегущего новые силы, успел однако же прогнать скот чрез глубокую теснину, по которой пробивается р. Кува, оставив наши немногочисленные войска в горах и лесах, в самый жаркий день. Дело можно было считать проигранным. Оставалась одна надежда на помощь из станиц или Исправной, или Сторожевой, где было три сотни казаков и Ставропольский резервный батальон. Между тем показалась и другая партия горцев не менее 500 человек, остававшаяся в лесу в том месте, откуда сборище первоначально выскочило к скотине. На помощь дрогнувшим было войскам нашим явился из ст. Отрадной с двумя сотнями, командир 5 бригады. Воодушевив казаков, он дружно бросился на неприятеля, который поспешил сняться со своей позиции. Преследуя врагов шаг за шагом по чрезвычайно трудной местности, войска наши после жаркой схватки заставили его бежать врассыпную по лесу. После этого Г. Семенкин поспешил по дороге, по которой прогнана была скотина, и на которую из ст. Сторожевой прискакал с войсками подполковник Венеровский (командовавший 19 полком Урупской бригады).

Несмотря на крепкую позицию неприятеля и его отчаянное сопротивление, казаки, предводимые храбрыми командирами, наступали бойко и этим заставили его большую часть скота бросить живьем, кроме порубленного по ущелью. Хотя нашими отважными натисками неприятель был выбит на выгодную для нас позицию, но, к сожалению, наступившая ночь заставила прекратить дальнейшее преследование неприятеля, тем более что в ка-

валерии нашей, проскакавшей к месту происшествия около 45 верст, в жаркий день, много лошадей пало, а остальные изнемогали от сильной усталости.

Горцы, кроме ими оставленных в наших руках 15 убитых, понесли значительную потерю, следовательно, не безнаказанно обошлась им отбитая скотина, из которой только небольшая часть досталась им в добычу, так как от нашего быстрого преследования и смелых натисков, более сотни скота горцами порублено по дороге, большая часть отбита нами живьем; сверх того отбито у неприятеля 5 лошадей с седлами. Потеря с нашей стороны, понесенная в 12 часовом бою, также немаловажна: убитых 25, раненых 39 и контуженных 4 человека; лошадей: убитых, раненых, павших от сильной скачки к месту происшествия и сделавшихся от тех же причин неспособными 139.

* * *

6-го июня 1861 года из укр. Хамкетинского для разъезда и расставления пикетов была послана Урупская сотня № 18 полка, в числе 115 человек. Командовавший ей хорунжий Саньков, осмотрев окрестности западной стороны укрепления, перешел на южную, и только что выехал на довольно узкую поляну, обрезанную с двух сторон глубокими балками, заросшими густым лесом, как вдруг, не более как в 150 сажнях, из балки с правой стороны выскочило до 200 человек конных горцев, имея ружья наготове. Верно сообразив все невыгоды своей позиции, Саньков в две-три минуты перешел с сотней на карьере на небольшую возвышенность, за которой спешившиеся казаки, моментально укрыв своих лошадей, приготовились к бою, и, окруженные с трех сторон, геройски устояли против самых близких двухружейных залпов горцев, которым ответив тем же, с криком ура ... перешли в наступательное положение, и смелым и настойчивым преследованием гнали горцев по поляне до лесу, на протяжении двух верст, отбив притом несколько огнестрельного оружия и три шапки. Неприятель был прогнан в сплошной лес.

В деле этом потеря Урупских казаков заключалась в трех раненых казаках и пяти лошадях. Сотенный значок был пробит в 3-х местах.

* * *

8-го июня 1862 года, перед рассветом, скопище горцев южного склона, в числе 2000 человек, напало на ст. Псеменовскую. Две сотни 5 бригады, Попутная и Исправная, находились в это время в гарнизоне этой станицы, кроме пехоты. Нападение неприятеля было с той стороны, где стояла по фасу Попутная сотня, которая хотя стойко приняла удар, но большою массою была смята, и неприятель, ворвавшись через ограду, по трупам защитников в станицу, рассеял остальных казаков, причем был убит командир Попутной сотни есаул Бакуринский. Это было так быстро и неожиданно, что Попутная сотня, одна, естественно, не могла удержать весь наплыв сборища.

Когда неприятель, рассыпавшись по станице, предался грабежу домов и появился уже на станичной площади, то командир сотни Исправной поручик Лиев, с частью казаков своей сотни, всегда являлся там, где было более опасности, поражая шашками горцев. Потом, когда часть сборища бросилась к коновязи Исправной сотни, то Лиев, воодушевив казаков, не только не допустил неприятеля воспользоваться добычей, но заставил их заплатить за эту дерзость тут же 10 убитыми. Такими смелыми ударами сотня Лиева оказала примерное молодечество и важную помощь при отражении скопища. Попутная же сотня, несмотря на значительную свою потерю: 22 штуки рогатой скотины, 400 овец и 1 лошадь; кроме того взяты некоторые вещи, найденные на кошу неприятеля. Добыча эта поступила: половинная часть в пользу жителей ст. Псеменовской, потерпевшей разорение от нападения неприятеля, а другая часть в пользу всего отряда.

* * *

По соглашению Генерал-Адъютанта Графа Евдокимова с Кутаисским Генерал-Губернатором, 24 августа 1863 года, было предписано полковнику Семенкину, для нравственного влияния на покорные общества южного склона, произвести движение особым летучим отрядом, от передовых нагорных станиц, Урупской бригады, через Марухский перевал, до укр. Сухум-Кале.

В состав этого отряда назначено две сотни: одна из 5-й, а другая из 7-й бригады и команда милиции в числе 30 человек, Зеленчукского округа.

30 августа, летучий отряд под начальством полковника Семенкина, выступил из ст. Сторожевой; это был первый отряд, которому предстояло перейти с северного на южный склон, поэтому он чрезвычайно заинтересовал участников.

2 сентября, с 5 часов утра, отряд двинулся к Марухскому перевалу, пройдя с величайшим трудом около 3 верст по ледникам, которые образовались из лежащего там в огромной массе вечного снега, и примыкают к весьма крутому каменистому подъему, по коему пролегает в скале довольно узкая тропа. На этом льду, а в особенности на обрывистом гранитном подъеме, многие лошади падали и получали значительные ушибы и раны, а некоторые убивались в смерть.

В облегчение лошадей, имевшийся провиант и овес приказано было людям переносить на себе на перевал. Такой затруднительный подъем занял 6 часов времени, пока весь отряд вышел наверх.

Отдохнувши около часа на главном хребте высот Маруха, отряд начал спускаться на южный склон. Спуск этот представлял огромные затруднения; нужно было с больших крутиз спускаться на ледники, занимающие пространства около двух верст, часто и глубоко прорезанные водяными ручьями, образовавшимися от оттепели. При следовании дальше, постоянно встречались то трудные подъемы на горы, то затруднительные спуски, отчего лошади, при сильном напряжении, теряли подковы и от изнурения падали с кручи и ушибались в смерть.

5 сентября отряд направился по вновь разработанной войсками тропе, надеясь, что дорога эта менее затруднит движение, но и тут пришлось разочароваться: тропа эта, проведенная по водораздельному хребту р. Амхаля, покрытому густым лесом, при сырой погоде не осушивается солнцем, и как грунт земли глинистый, то и образовалась липкая грязь, глубиною в аршин. В грязи этой на протяжении около 25 верст много битых острых камней, от коих лошади повредили ноги и сильно выбились из сил. К довершению их изнурения на пути от горы Уламба и далее до укр. Цебельдинского, совершенно нет травы, и лошади только подерживались небольшим остатком запаса овса и сухарями.

Несмотря однако же на все затруднения и препятствия, к вечеру 5 же числа отряд прибыл в укр. Цебельдинское. Здесь Се-

менкин, оставя отряд для отдыха, с частью доброконных казаков и милиционеров, 7 числа сентября отправился в г. Сухум, куда и прибыл в половину дня.

Как время сближалось к упадению на горах снега, который лишил бы отряд возможности к обратному следованию, то после десятидневного отдыха в Цебельде, 15 сентября, отряд выступил обратно, прежнею дорогой. На пути следования 18 сентября, командуя войсками в Абхазии Генерал-Майор Шатилов, получив достоверное сведение, известил Семенкина, что Ахчипсхувцы, с частью жителей Аибга и Цвижо, составили партию в числе 100 конных и 500 пеших, с целью действовать против войск, разрабатывающих из Цебельды к главному хребту дорогу, или возвращающегося отряда. Вследствие этого, в подкрепление отряда, был дан батальон пехоты до перевала Марухского. Между тем летучий отряд, не встретив на пути неприятеля, совершив благополучно обратное движение, 22 сентября прибыл в ст. Сторожевую.

Движение летучего отряда из ст. Сторожевой в Сухум, было совершено в 8 дней и во столько же времени обратно.

За все время движения летучего отряда, в оба пути, потеря лошадей с милиционерскими простиралась до 65 штук, считая в том числе палых от изнурения и ушибов, а также убившихся с круч. Больных чинов не было.

Есаул Саньков

Публикуется по:

Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, 1868. – № 11–12. – С. 49–50, 52.

М.И. Саньков.

**О разделе в станицах 5-ой бригады войска Кубанского
юртовых земель на 3-х и 4-х полное владение
и потом подушно – на паи.**

Во всех станицах 5-й бригады, распашка земли и сенокосы, а так же пастьба скота, до настоящего года, производилась произвольно и не в порядке, отчего много земли оставалось непродительной: она пропадала без пользы для самих обществ и для частных лиц.

Хотя давно сознавалась большая выгода от правильного и хозяйственного распределения земли на участки и на паи, но этого сделать было невозможно в первое время поселения бригады, по случаю тревожного времени и частого беспокойства от непокорных горцев, живших в довольно близком соседстве, так как в то время все полевые работы проводились близ самых станиц. Да и думать об увеличении и правильной распашки или сенокоса было некогда. Ибо часто приходилось становиться в защиту и отпор хищных врагов, для спасения имущества и своей жизни. Не менее этого, служило большою помехою выше сказанному распределению и то, что большая часть рабочих рук была отнята для службы.

Но, слава Богу, все тревоги и опасности от горцев миновались. Хотя по многим лишениям казачьего населения, через потерю в былое время многого имущества, а еще больше крови и голов, оно остается надолго в памяти их и их потомства; но тем не менее нужно верить, что будущее все сгладит. После замирения края настало время других забот. Эти заботы – о благосостоянии казачьего хозяйства, чтобы иметь возможность быть постоянно и вполне снаряженным к службе, дабы по первому призыву, без потери времени, выступить туда, куда укажет правительство.

Прежде, нежели коснусь сделанного начала распределения юртовых земель на участки и на паи, – я считаю необходимым высказать одни только главные бывшие невыгоды, от прежнего неправильного и произвольного пользования землею, и выяснить

те выгоды, которые должны быть, после устранения означенного беспорядка.

Как я уже объяснил, что до настоящего года, жители 5 бригады, имея землю в общем владении, без раздела на души, пользовались землею как, кто и где хотел, нисколько не заботясь об экономии земли. Для примера, я укажу на некоторые случаи: один хозяин, бывало, вспашет землю в нескольких участках по одному и по два загона и не подряд, а один от другого в значительном расстоянии, делая пашни концами, то на восток, то на юг, т.е. как говорится – и вкривь и вкось, не обращая внимания на громадные промежутки и на потерю времени на переезд с одного места на другое, для уборки хлеба. Таким манером поступали и другие жители, как в распашке, так и в сенокосе. Через этот произвол весь станичный юрт, с большими промежутками между пашнями и сенокосами, был занят, а между тем эти-то обойденные промежутки, если взять в массе, составляли почти на половину всего юрта хорошей почвы, бесполезно ежегодно остававшейся. При других же порядках, земля эта, за удовлетворением частной потребности, могла быть отдана обществом в аренду или под покос, или же под распашку, что принесло бы немалую цифру станичного дохода, в котором ежегодно нуждаются некоторые станицы, не имея возможности из чего удовлетворить даже ничтожным жалованием станичных правителей, не говоря уже о других, не менее важных станичных нуждах. Кроме того, такую безалаберную распашкою и сенокосом почти по всей юртовой земле стесняли пастбищные места, делая при этом неизбежную поправу хлебов или сена.

Такою широкою распашкою земли и сенокосом пользовались большею частью одни зажиточные казаки, в ущерб и насчет бедных, а так же вдов и сирот, которые, не имея средств обрабатывать землю, не имели право временно отдавать свою часть земли кому-либо за условную плату, ибо земля не была разделена, как бы следовало по душам уравниательно, а находилась в общем владении. Какая же в этом была справедливость? Ведь единственный источник казака для снаряжения себя на службу и упрочения своего хозяйства есть земля, на известное число десятин которой, в своем юрте, по закону каждый имеет право, а между тем, он лишен был этого права, чтобы по произволу рас-

порядиться своими паями, которые послужили бы ему немало важным подспорьем, для приготовления на службу, для уплаты окладных денег на наем почтаря, и на другие потребности.

При постановлении же зажиточных казаков в границы надушным наделом земли паями, такие казаки, имея потребность в большой распашке земли или в заготовлении в большом количестве сена, вынуждены бы были не даром пользоваться не принадлежащими им паями, а нанимать у бедных людей, не имеющих средств, по разным причинам, самим обрабатывать своих наделов; но если бы таких из казаков арендаторов оказалось мало, то бедные жители могут отдавать на время свои паи лицам другого ведомства, которых постоянно проживает с избытком во многих станицах со всем своим хозяйством и которые нуждаются в аренде земли.

Сознавая всю важность и неотложную необходимость правильного и хозяйственного по закону раздела земли между жителями, командир 5 бригады полковник Семенкин, на 6 марта этого года, вызвал в штаб бригады со всех станиц этой бригады станичных начальников с доверенными стариками от обществ. По выяснении всех невыгод прежнего пользования землею и растолковании очевидных польз от правильного и законного распределения земли на участки и потом на паи, предложил им эту же весною разделить землю на четырех и пяти польные участки, смотря по свойству и пространству земли и местному ее положению, с тем, чтобы участки эти были поделены на паи уравнительно по душам мужского пола, начиная с известного возраста, применяясь при всех этих условиях к статьям закона, выраженным в уставе о казачьих селениях (12 т. II ч. Гражд. зак.). Хотя при совещании этом и были сторонники прежнего порядка, как это неизбежно при каждом нововведении, но личности эти не находят опоры в подкрепление своих неосновательных возражений, все единодушно согласились с пользою и выгодною раздела земли на участки и паи, с тем, чтобы 5-ю или 6-ю часть запасной свободной земли оставлять на отдачу в аренду обществам для станичного дохода, а впоследствии при увеличении народонаселения, из этого запаса выделять паи, кому будет следовать.

Таким образом, настойчивость полковника Семенкина в этом весьма важном деле дала первый толчок благоразумному пользованию землею, безобидно богатому и бедному жителю.

По возвращении из штаба бригады в свои станицы станичных и выборных стариков, общества так же поняли всю пользу и необходимость пользования землею на новых началах, и заявили желание немедленно приступить к осуществлению предположения.

Но те лица, которые привыкли к беспорядочному пользованию землею на широкую ногу, насчет бедного класса, как и следовало ожидать, отстаивали прежний порядок или вернее сказать беспорядок, тем более, что большая часть из них по своему материальному положению имело влияние на общество; не смотря однако же на это, их голосам не дали место.

В марте и апреле месяцах, во всех станицах было приступлено к разделу юртовых земель на столько участков, на сколько это позволило местное положение, потом последовал раздел на пай – подушно, применяясь к выше упомянутому закону, на каковой конец в станицы были разосланы выписки из оногo. По введении вполне этого нового порядка, нет сомнения, почва земли улучшится отдыхом года по два и более, под пастьбою скота, и выиграется количество земли.

После этого, смело можно сказать, что благодаря заботливости нашего начальства о благосостоянии подчиненных, в этом году все станичные участки уже будут распределены на пай, как следует, и безурядица прекратится. Тогда казаки вполне поймут всю выгоду раздела земли, от которой они извлекут, с уверенностью можно сказать, вдвое пользы, как для себя, так равно и для общественного дохода, и пожалуют о том, что от прежнего пользования землею столько лет бесполезно и безпроизводительно оставалось у них много земли, отчего они безвозвратно лишились станичного дохода, который за все прошедшее время составил бы немаловажную сумму.

Под сенокос в каждой станице предположено примерно оставить в одном месте столько земли, сколько по соображению она может удовлетворить потребность жителей, с ежегодным разделом на пай казакам, перед началом сенокоса, когда уже безошибочно можно видеть качество травы.

Заканчивая этим мой рассказ, я осмеливаюсь просить, как человек сочувствующий благосостоянию казаков: если в каких бригадах пользование станичною землею введено на более лучших началах для пользы всех жителей, то не оставить поделиться разъяснением этого главного, посредством печати. Всякое полезное указание на улучшение казачьего хозяйства будет принято с благодарностью. Ведь не все же жить собственно для себя, а следует, по мере сил и способностей, помогать и обществу.

М. Саньков

Публикуется по:

Кубанские войсковые ведомости. – Екатеринодар, – 1869. – № 22. – 7 июня. – С. 86–87.

Первый летописец казачьего Приурупья

Сборник материалов

Издание подготовили: О.В. Матвеев, С.Г. Немченко

Подписано в печать: 28.07.2018 г.
Формат 60х90/16. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать трафаретная цифровая.
Тираж 250 экз. Усл. печ. л. 2,8. Уч. изд. л. 3.

Издательско-полиграфическое предприятие
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
352930, г. Армавир, ул. Каспарова, 7.
Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.
E-mail: vitalii_shurygin@mail.ru